



Лейла Бадирбейли



За окном — холодный ветер с дождем, май, похожий на октябрь, а в квартире — тепло, уютно. Передо мной сидит актриса, чья известность перешагнула далеко за пределы республики. Поразительно красивая, энергичная, на вопросы отвечает тихо и певуче, и, слушая ее, начинаешь понимать: вот она какал — Лейла Бадирбейли, народная артистка Азербайджана.

— Лейла-ханум, Ваше имя неразрывно связано с историей азербайджанского кино и театра. Оглянитесь, пожалуйста, в прошлое и вспомните: каким был самый незабываемый день в Вашей жизни?

— В этом отношении я — человек счастливый: мне есть что вспомнить. И хорошее, и грустное. Помню сентябрьские дни 1942-го. Я, совсем еще юная, танцую народные танцы перед бойцами азербайджанской дивизии. Нашу концертную бригаду возглавлял Бюль-Бюль. Когда он пел, голос его разносился далеко-далеко вокруг... И никаких микрофонов. Это было под Моздоком, на передовой, помню, как жадно смотрели и слушали нас бойцы. Помню их глаза. Для меня это были счастливые дни: ведь мой труд тоже помогал стране бить врага.

— Скажите, пожалуйста, когда у Вас впервые появилась мысль о сцене?

— С самого детства. Все началось с балетной кружка при клубе имени Али Байрамова. Я стала учиться танцевать, и говорили, что неплохо получается. Первая встреча с кино состоялась тут же, в клубе. В 1934 году в Баку приехал известный кинооператор и режиссер Дзига Вертов. Тогда он снимал фильм «Три песни о Ленине». Для исполнения одного из эпизодов картины, длящегося всего 2—3 минуты, он выбрал меня. Иногда этот фильм снова показывают, и я снова вижу себя маленькой девочкой в красном галстуке, с грустными, полными слез глазами. Услышав весть о смерти великого вождя, она дает клятву верности его заветам. Так начинался мой путь в кино. Потом был еще один фильм, детский — «Буйная ватага»...

Но основное время, конечно, я уделяла тогда балету. Мечтала танцевать из сцене. Вдруг неожиданная радость: в 1938 году под непосредственным руководством Узейра Гаджибекова

создается первый танцевальный ансамбль в республике, и меня, еще несовершеннолетнего подростка, пригласили туда на правах взрослой артистки. Я и Амина Дильбазги были первыми солистками ансамбля. Шла большая подготовка к I Декаде азербайджанского искусства в Москве... Все было впервые, заманчиво, ново и интересно. Страна жила кипучей, насыщенной жизнью, и мы, комсомольцы, стремились не отставать от общего ритма...

— Лейла-ханум, каково Ваше мнение о молодых актерах — наших современниках?

— В молодых актерах много темперамента, трудолюбия, стремления творить. Но порой, не скрою, хотелось бы видеть в них больше энтузиазма. Видите ли, когда человек очень хочет что-то сделать, сделать даже больше, чем в его силах, он обязательно этого добьется. Тем более, что молодым сейчас предоставлены широчайшие возможности. Партия и правительство вправе требовать от творческой молодежи искусства по большому счету, без всяких скидок на молодость.

— Существует ли для Вас «плохой», «трудный», «любимый» зритель? Вероятно, у вас есть свое представление об идеальном зрителе?

— По-моему, нет публики хорошей или плохой. Есть плохие или хорошие артисты. Если актер живет и мыслит каждый час, каждый миг, если он постоянно размышляет о своем искусстве, ищет глубокие, скрытые, говоря языком шахматистов, ходы, для него любой зритель будет хорош.

Требования, повторяю, артист должен предъявлять прежде всего к себе. Люди, которые к нам приходят после трудового дня с надеждой отдохнуть, получить

удовольствие, должны уходить, помня о нас. Если мы не будем оставаться в памяти, мы не сможем воздействовать на мысли и чувства наших зрителей, отвечать тем требованиям, которые предъявляет к артистам искусство. Настоящее искусство способно проникнуть в каждую душу. Так что не в зрителе дело.

— Традиционный вопрос: Ваша любимая роль?

— Любимых много: Оливия в «Двенадцатой ночи», Дездемона в «Отелло» Шекспира... Гюльназ в пьесе Самеда Вургун «Вагиф», Сара в «Солгун чичеклер», Алмаз в одноименной пьесе Дж. Джабарлы. Но все-таки, наверное, самая любимая — роль Гюльчохры в фильме «Аршин мал алан». Ведь именно эта роль принесла мне первый большой успех. Картина прошла с триумфом на многих экранах мира. Знаете, шведы даже перевели арши из фильма на свой язык и распевали их на улицах... Мне дорога эта картина необычайной правдивостью своей, слаженностью всего актерского ансамбля. После него все как-то резко изменилось: вроде, и солнце стало мне ярче светить, и незнакомые люди на улицах приветливо стали улыбаться... Тогда, в 21 год, я была удостоена за роль Гюльчохры Государственной премии СССР.

— Лейла-ханум, все же популярность дается актеру нелегкой ценой. Его труд, как будто должен воспитывать в нем самом предельную скромность: каждый день он видит, как несовершенны его возможности, как много непостижимого. Как Вы относитесь к своей славе?

— Вы знаете, можно достигнуть популярности по воле случая: природа подарила вам красивую внешность, вы снялись в кино, и вас уже знают. Но это минутная популярность, она зыбкая и неустойчива. Если у человека остается много времени, чтобы думать о своей популярности, такой человек — не художник. Настоящий художник тот, кто пришел в мир, принес с собой свою красоту. Ему будет недосуг купаться в собственной славе. Он будет слишком дорожить временем. Человеческая жизнь — миг. Годы, отпущенные человеку на творчество, — мгновение, какие-нибудь 50—60 лет, а заряд творческой энергии в нас рассчитан на сотни лет. Живет только подлинное искусство, а искусство мелких художников-временщиков быстро гаснет, они летят вниз с той же стремительностью, с какой когда-то взлетали.

— Труд актера тяжел, изнурителен. Ежедневные репетиции, частые спектакли отнимают много духовных и физических сил. Откуда же брать силы и вдохновение на каждый день? Где тот бездонный источник, который питает его?

— Вспомните, как течет река... Вы бодрствуете — она течет, вы спите — она течет. Она не может не течь, не может остановиться. Так и человек. Найти мечту — это на всю жизнь обрести стремление к движению. Нефть не будет вечно бить из одной скважины, но энергия будет вечно бить ключом из человека, если он попал именно в ту атмосферу, которая отзвучает его внутренней потребности. Искусство питает меня силами и энергией. Ведь искусство — это постижение человеческой красоты, а красота бесконечна, бездонна, из этого колодца можно черпать веками.

Н. АЗИЗОВА